

УДК 94(47)05(1-2)(470.343)

А.Г. Иванов, А.А. Иванов¹

**Ясачная марийская община Козьмодемьянского уезда
в конце XVII – первой четверти XVIII в.**

Ясачная марийская община; функции; Козьмодемьянский уезд.

В статье рассматриваются важнейшие аспекты деревенской общины горных марийцев Козьмодемьянского уезда, связанные с землевладением, землепользованием, фискально-податными функциями, состоянием крестьянского двора и положением ясачных людей в годы петровских преобразований.

В изучении института общинной самоорганизации российского крестьянства имеются несомненные достижения. В этой связи для нас по заявленной теме особый интерес представляют труды исследователей, посвященные изучению крестьянской общины народов Поволжья [2, с. 270–293; 4, с. 126–190] северорусской общины и крестьянской семьи конца XVI – начала XVIII в. [1; 6; 7], а также крестьянской общины монастырской деревни Центральной России второй половины XVII – первой четверти XVIII в. [5, с. 65–76].

Применительно к марийской деревне наиболее полно сущность крестьянской общины XVII–XVIII вв. охарактеризовала К.И. Козлова, считавшая ее «поземельной», «соседской», «крестьянской», «общинной-волостью», выступавшей как «землевладельческая и фискально-административная организация» марийского населения [4, с. 159–190]. На наш взгляд, этот перечень определений можно дополнить «дере-

¹ Иванов Ананий Герасимович, Марийский государственный университет (РФ, Йошкар-Ола), д.и.н.; anani@marsu.ru; Иванов Алексей Ананьевич, Марийский государственный университет (РФ, Йошкар-Ола), д.и.н.; anani@marsu.ru.

венской общиной», бытовавшей среди горных марийцев («горная черемиса», «горные люди», «ясашные люди», «черемиса») Козьмодемьянского уезда второй половины XVI–XVIII вв.

Здесь следует пояснить, что с присоединением Казанского ханства к Русскому государству в середине XVI в. московская администрация провела поуездное межевание территории Марийского края, и это межевание было совершено довольно удачно, так как в основном учитывало давно сложившееся «земляческое самоопределение» коренного населения. В обширный Козьмодемьянский уезд вошли земли по Горной и Луговой стороне р. Волги на крайнем западе расселения марийцев. Еще до официального учреждения вышеназванного уезда в 1583 г. и его волостных подразделений здесь существовала организация населения по «сотням» и «пятидесятням», возникшая не без воздействия со стороны Казанского ханства. Эти подразделения местного населения имели какое-то тяготение друг к другу, если московская администрация сочла необходимым объединить их в один Козьмодемьянский уезд. В языковом отношении все эти группы относились к *кырык мары* – горным марийцам и были связаны единством происхождения, местом проживания, культуры и этнического своеобразия [4, с. 118–119].

Во многом устойчивости горномарийского крестьянского социума способствовал и такой важный институт как община, о чем убедительно свидетельствуют изученные нами архивные документальные материалы переписной ландратской книги, ревизских сказок, частных актов, книг канцелярских сборов и копии владенных выписей по Козьмодемьянскому уезду конца XVII – первой четверти XVIII в., хранящиеся в различных фондах РГАДА. В этих источниках ясачная марийская община Козьмодемьянского уезда зафиксирована как «деревня». Каждая деревенская община являлась наследственным владельцем земли – держателем государственной земельной собственности. Как «вотчинному» землевладельцу, ей принадлежали пашни, сенокосы, леса, водоемы, промысловые угодья (бортные ухожаи, бобровые гоны, рыбные ловли и прочие). Исконные свои права на землю община подтверждала хранившимися у старожилов крепостями – владенными выписями с писцовых, переписных книг и ссылками на ясачное законодательство XVI–XVII вв. Типичным в этом отношении представляется утверждение мирских властей ясачной общины д. Чермышево Акпарсовой сотни Козьмодемьянского уезда 1686 г. о том, что «земля с угодья изстари после Казанского взятия ясашныя и оброшныя прадедов и дедов и отцов их Ахпарсовой сотни черемис, и в писцо-

вых, ясашных, оброчных книгах как та земля, так и состоящие в тех урочищах озеро Мамгачево написано за оными предками»².

Владенные крепости позволяли ясачной общине отстаивать свои жизненные интересы. При земельных спорах они выступали «за один» и при этом опирались на свои владенные земельные крепости. Одновременно эти поземельные документы прикрепляли ясачных крестьян к земле со всеми обязательными казенными ясачными платежами и повинностями [3, с. 108–109]. В частности, из числа 72 деревенских общин Акпарсовой, Аказиной, Кобяшевой, Токсубаевой сотен, а также Тохпаевой и Яныгитовой пятидесятен Козьмодемьянского уезда Свияжской провинции Казанской губернии, ясачная община д. Апшат Пеляк в 30 дворов (135 душ муж. пола) имела в 1723 г. в своем владении «пашни 155 четвертей в поле, и в дву по тому ж», сенных покосов на 465 копен. С каждого из 15,5 ясака, налагавшегося на общину, «по окладу и протчих всяких зборов» ежегодно взималось в казну по 14 руб., не считая хлебных сборов по 2 четверти ржаной муки и овса, осьмине ржи³. В среднем на 1 ясак приходилось 15 дес. пашни (в трех полях) и 31 копна сена; соответственно на 1 двор (0,5 ясака) – 7,75 лес. пашни (в трех полях) или 2,5 дес. (в 1 поле) и 15,5 копен. На 1 душу муж. пола пришлось бы 1,7 дес. пашни (в трех полях) и 3-4 копны сена.

По данным ландратской переписной книги Козьмодемьянского уезда 1717 г. средняя норма подворного поземельного пользования и обложения во всех марийских деревенских общинах, за редким исключением, составляла 0,5 ясака⁴. Кроме того, ясачные люди владели общинными и семейными мукомольными мельницами и другими промысловыми угодьями на определенных условиях аренды с уплатой казенного оброка⁵.

Марийские крестьянские дворы традиционно пользовались своим «паем» – частью ясачной общинной земли. Так, в 1702 г. «своего пая для ясаку и всяких податей пашенную землю и сенные покосы» имел марийский ясачник д. Шурмары Акпарсовой сотни Эпай Похтубаев. Сами размеры тягловых земель крестьянских дворов в разных общинах-деревнях не были одинаковыми. По данным 1700 г. дворовладелец Ахмат Адискин из Яныгитовой пятидесятни был написан в

² РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1230. Л. 10, 14–18.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 480. Д. 7. Л. 641 об.–642; Ф. 350. Оп. 2. Д. 1418. Л. 625–626.

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 192. Л. 151–201 об., 231–376 об., 431–803 об.

⁵ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 31 766. Л. 8–24.

«целого двора ясак», что равнялось 15 дес. пашни и 100 копен сена. Однако из-за «скудости своей» в 1701 г. «полдвора пахотной своей земли на 22 овина да сенных покосов в трех местах на 50 копен вечно и з городьбою» вынужден был отдать марийскому крестьянину той же пятидесятни Обаку Тулибекову. Некоторые деревенские общинники-марийцы вынуждены были отдавать свои земельные участки в аренду русским посадским людям, ямщикам, священникам и другим жителям Козьмодемьянска⁶.

Кроме долевого принципа землепользования в некоторых деревенских общинах имело место наследственное подворное владение землей. Во многом это было связано с наличием свободной земли, когда состоятельные крестьянские семьи распахивали общинные леса под пашню и сенокосы и на новых местах застраивались своими дворами. Такие зажиточные дворохозяева могли без согласия общины распоряжаться своими землями⁷. Новоросчищенные земли отдельных дворовладельцев на длительное время оставались в их индивидуальном владении. Однако по мере увеличения крестьянского населения и нарастания земельной «тесноты», деревенские общины запрещали отчуждать наделы, передавая по наследству, продавать и закладывать в аренду. Со временем индивидуальные новоросчищенные земли включались в общий фонд общинных земель и распределялись между семьями [3, с. 121].

В Козьмодемьянском уезде каждой деревенской общине, едва превышавшей по численности 50 крестьянских дворов при средней людности семей в 5–6 человек, как фискально-податной единице, с большим трудом удавалось справляться с обрушившимися казенными ясачными платежами и повинностями. В это время денежная часть ясака реально возросла примерно в 4 раза, а хлебных сборов в 2 раза. В 1723 г. с 1 ясака в разных общинах выплачивали в казну от 9 до 14 руб. и по 4,5 четверти ржи, овса и муки. В среднем на 1 ясачный двор приходилось по 5 руб. 11 коп. С проведением в 1704–1707 гг. новой переобработки заметно возросли размеры денежных сборов с бортных и хмелевых угодий, звериных и рыбных ловель, меленок-колотовок, мест языческих молений-кереметей, свадебных вывозных («куничные») денег и прочих сборов⁸.

⁶ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 4632. Л. 2–3, 7–7 об.; Д. 4633. Л. 19 об.–20, 25 об.–26 об., 43–43 об.

⁷ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 4633. Л. 73 об.–75 об.

⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1418. Л. 87–92, 194, 239–271, 321–350, 355–515,

Особенно тяжелыми оказались трудовые мобилизации. По все-российским и местным наборам ясачные марийцы наравне с другими крестьянами привлекались на различные работы, главным образом, на заготовку корабельного леса. Начиная с 1701 г. каждая деревенская община обязана была наряжать с 5 дворов по 1 пешему работнику и с 50 дворов по 1 конному работнику. Ясачные работники должны были на 6–8 месяцев «ехать в работу и лесной воске на шмаковое дело с лошедми и с хомутом и с припасами и с полным хлебом припасы» для отработки лесных повинностей в Казань. Не желая отрываться от своего хозяйства, многие марийские общины нанимали временных работников из числа русских крестьян и горожан. В 1702 г. пешие и конные работники, нанятые ясачниками, были отправлены для отработки на Симбирские селитренные заводы. Постоянными для деревенских общин являлись повинности по строительству и содержанию в исправности казенных хлебных амбаров и других строений в уездном городе, починке двух казенных мукомольных мельниц на р. Рутке. Подводная, подорожная, постоянная и другие повинности еще более усугубляли тяжелое положение ясачных людей⁹.

В этих условиях ясачная марийская община Козьмодемьянского уезда использовала различные методы, включая массовые подачи челобитных губернским властям о снижении ясачных податей и повинностей, стихийные побегы, «утаивание» наличной численности крестьянских дворов и ясачных людей в ходе проведения переписей 1704, 1712, 1717, 1719, 1723 гг., способствовавшие защите своих крестьянских интересов.

1. *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере (Конец XVII – начало XVIII в.). М., 1976.
2. *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары, 1986.
3. *Иванов А.Г.* Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995.
4. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.
5. *Соколова Н.В.* О роли общины в системе налогово-повинностных практик в монастырских вотчинах Центральной России во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 2014. Вып. 1.
6. *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997.

662–671; Ф. 273. Оп. 1. Д. 31 766. Л. 8–24; Д. 32 647. Л. 413 об.–414.

⁹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 4632. Л. 11 об.–13 об.; Д. 4633. Л. 114 об.–116, 139 об.–140 об., 259 об.–264, 271–273.

7. *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII в. М., 2012.